

Калашников А. А., студент 5 курса исторического факультета
Афанасьев П. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИКА Е.П. КЛЕВАКИНА: ВНЕШНИЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ²

Аннотация. Автор статьи предпринимает попытку выявить особенности документирования эпистолярного наследия провинциальным чиновником Е.П. Клевакиным. Автор отмечает сложность внешней критики писем чиновника, т.к. сохранились преимущественно отпуски его собственных писем, форма записи которых в специальные конторские книги менялась на протяжении времени. На основе перекрестного анализа документов личного фонда Е.П. Клевакина установлено, что чиновник фиксировал копии не всех отсылаемых им писем, выявлена специфика авторской датировки, сформулированы рекомендации для работы с эпистолярным наследием данного провинциального чиновника как историческим источником. По мнению автора, сохранность писем Е.П. Клевакина является уникальной и обусловлена сложившейся практикой документирования чиновника.

Ключевые слова: источники личного происхождения, чиновничество, Е.П. Клевакин, письма, исторический источник.

A.A. Kalashnikov
P.A. Afanasiev

EPISTOLARY HERITAGE OF THE PROVINCIAL OFFICIAL E.P. KLEVAKIN: EXTERNAL FEATURES OF AUTHOR DOCUMENTATION

Abstract. The author of the article makes an attempt to identify features of documentation of epistolary heritage of the provincial official E.P. Klevakin. The author notes the complexity of external criticism of official's letters, as mainly the copy of his own letters were preserved, the form of which recording in special books has changed over time. Based on the cross-analysis of documents of the personal papers of E.P. Klevakin, it was established that the official did not record copies of all the letters, the specifics of the author's dating was revealed, and recommendations for working with the epistolary heritage of this provincial official as a historical source were formulated. According to the author, the safety of the letters of E.P. Klevakin is unique and is due to the established practice of documenting.

Keywords: sources of personal origin, officials, E.P. Klevakin, letters, historical source.

XIX в. по праву считается временем расцвета эпистолярного жанра. В условиях отсутствия высокотехнологичных средств межличностной коммуникации значительно возростала роль переписки. Во второй половине XIX в. увлечение ей охватило широкие слои буржуазии, интеллигенции, разночинцев [1, с. 147]. В отличие от делопроизводственной документации, сохранность значительной части которой обеспечивается принципами комплектования российского архивного фонда, специфика социального функционирования писем априори работает на их утрату, поскольку в одинаковой степени зависит от культуры сохранения писем как автора, так и адресата, а также совокупности внешних факторов, влияющих на рассредоточение писем в различных местах хранения.

² Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00448.

Е.П. Клевакин – рядовой представитель провинциального чиновничества, служивший на Урале и в Сибири в последней трети XIX в. В отличие от абсолютного большинства своих коллег, Е.П. Клевакин оставил после себя обширное документальное наследие, сосредоточившееся в его личном фонде в Государственном архиве Алтайского края (фонд 77). Как справедливо отмечает П.А. Афанасьев, сохранность комплекса документов Е.П. Клевакина «можно назвать уникальной и нехарактерной для дореволюционного чиновника невысокого положения» [2, с. 341–342]. Из всего документального наследия Е.П. Клевакина внимания исследователей и публикаторов были удостоены, главным образом, различные воспоминания автора и его дневники [3, с. 114–127; 4; 5, 6]. Гораздо меньший интерес вызывали многочисленные письма Е.П. Клевакина, из которых только единицы вошли в опубликованные тематические подборки [7; 8, с. 30–43]. Письма Е.П. Клевакина не являлись предметом специального источниковедческого анализа, что особенно заметно на фоне сопоставимых с ними по хронологическому охвату и личному характеру дневников автора [9, с. 207–211; 10, с. 71–79]. Поэтому данный пример эпистолярного наследия провинциального жителя нуждается в отдельной его характеристике как исторического источника. При этом особый интерес вызывает даже не сам информационный потенциал источника, выявляемый из сопоставления с другими частями документального наследия Е.П. Клевакина. С учетом отмеченных выше факторов сохранности любого эпистолярного наследия не меньшую значимость для рассматриваемого источника имеет его внешняя критика, раскрывающая особенности его документирования. Этот аспект, исследуемый в настоящей статье, позволяет понять и по достоинству оценить уникальность факта наличия писем провинциального жителя за почти десятилетний период.

Письма как исторический источник могут образовывать эпистолярный комплекс, то есть группу хронологически и логически связанных писем и ответов на них, объединенных общей структурой, формой, стилем [11, с. 57]. Данное понятие неприменимо в отношении эпистолярного наследия Е.П. Клевакина. Абсолютное большинство писем, отложившихся в фонде Е.П. Клевакина, – это отпуски его собственных писем. Их делал сам автор, по мере отправки писем сформировав копиями их текстов пять конторских книг, полностью охватывающих хронологический промежуток с 1875 по 1885 г. Случай Е.П. Клевакина можно считать исключительным, поскольку обычно письма откладываются в архивах адресатов [1, с. 144], редко сохраняясь у их авторов преимущественно в виде черновиков или набросков. Вместе с тем удивительно, что адресованные Е.П. Клевакину письма в его документальном наследии представляют, скорее, исключение [12, Л. 97а–97б об.; 13, Л. 40а–40б об., 59а]. В основном, они относятся к концу XIX – началу XX в., являясь обращениями с просьбами к Е.П. Клевакину [14, Л. 18–21, 35–35 об.]. Большая часть адресованных чиновнику писем не сохранилась, лишь единицы из них были переписаны Е.П. Клевакиным на страницы своих дневников. Так, в запись от 29 октября 1882 г. автор поместил письмо от А.Е. Тюриковой, с предложением взять ее замуж [6, с. 262], в запись от 6 февраля 1883 г. – закрытое письмо от В.Н. Бахарева о необходимости личной встречи [6, с. 279]. Содержание некоторых писем Е.П. Клевакин только пересказал в дневниках. Например, в записи от 16 марта 1869 г. он изложил содержание письма брата об отлитой в Мотовилихе пушке [6, с. 69], в записи от 31 августа 1875 г. кратко сообщил суть письма от своей знакомой Е.А. Соловьевой [6, с. 150], в записях от 27 сентября и 14 декабря 1875 г. пересказал содержание писем жены [6, с. 175, 236]. Поэтому в качестве небольших эпистолярных комплексов, которые можно описать формулой «письмо-ответ-письмо» следует выделить лишь переписку Е.П. Клевакина с А.И. Горбуновым [13, Л. 39–41 об., 40а–40б об., 55 об.–58.] и теткой, монахиней Д. Ольковой [13, Л. 58–60, 65–67 об.].

Исходя из формы, структуры и назначения писем, их принято классифицировать на разновидности или подгруппы. Согласно наиболее общей классификации, письма делятся на частные, деловые и письма, представляющие собой литературно-художественные или публицистические произведения, созданные с целью публикации [11, с. 46]. Письма из личного фонда Е.П. Клевакина можно отнести к двум первым разновидностям. Частные

письма Е.П. Клевакина представляют собой акты личного общения автора с адресатами. В их основе лежал интерес одной личности к другой, обусловленный дружбой, родством, взглядами и пр. К ним относится большинство сохранившихся отпусков. К деловым мы относим письма, которые могут приобретать характер юридического документа, фигурировать в качестве делопроизводственного источника: прошения, заявления, проекты, а также письма, адресатами которых выступают лица, состоявшие с Е.П. Клевакиным в деловых отношениях, и основное содержание которых посвящено обсуждению рабочих вопросов. Примером могут быть отдельные письма В.Н. Бахареву, посвященные ходу дел в томской конторе транспортирования кладей, письма лично незнакомым автору лицам о возможности поступления на службу, купле/продаже чего-либо и др.

Следует отметить, что градации подлежат и письма одному адресату, разделяясь как на деловые, так и на частные. Это обусловлено их содержанием, а также изменением характера взаимоотношений с адресатом на протяжении времени. По этой причине зачастую сложно классифицировать конкретные письма. Например, письмо А.А. Попову от 3 декабря 1881 г., исходя из его содержания, в большей степени носит частный характер, тем не менее, в своей последней части касается ведения Е.П. Клевакиным дела по сдаче в аренду дома Попова [15, Л. 8 об.–10.]. В свою очередь, письмо А.А. Попову от 6 мая 1882 г. большей частью является, как пишет сам автор, «отчетом о деньгах» [15, Л. 27 об.–29]. В итоге, несмотря на достаточно близкие отношения автора и адресата, знакомых еще со времени обучения и службы в Кушвинском заводе, первое письмо А.А. Попову, на наш взгляд, следует отнести к разновидности частных, второе – деловых. То же касается писем купцу В.Н. Бахареву. Среди них мы можем найти не только сообщения о ходе дел Е.П. Клевакина по управлению конторой купца, но и поздравления с праздниками: первые, безусловно, стоит относить к деловым, вторые – к частным. Данную классификацию можно использовать и для характеристики писем, адресованных Е.П. Клевакину.

Указанием на адресата в отпусках писем Е.П. Клевакина являются обращения, а также отмеченные автором над текстом письма местонахождение, должность, ФИО адресата. Впрочем, эти данные не всегда фиксировались подробно, часто мы встречаем лишь информацию о населенном пункте, фамилию и инициалы адресата. Автор не избегал и «массовых рассылок», например, с целью поздравления с каким-нибудь праздником. Перед Рождеством, Пасхой письма с идентичным содержанием могли быть отправлены 8–10 адресатам, перечисленным над текстом письма [16, Л. 30 об.–31, 53 об.]. Определение места написания писем Е.П. Клевакина не составляет больших трудностей, в этом помогают содержание писем, тексты дневников, а также пометы автора с обозначением места своего нахождения, оставляемые им в текстах писем в периоды переездов. Следует отметить, что формы фиксации отпусков писем постепенно менялись. На полях книг с наиболее ранними отпусками содержится информация об адресате, однако постепенно автор стал отмечать на полях место и дату написания письма, а сведения об адресате помещать над его текстом.

Всякое письмо имеет три даты: написания, отправки и получения. Даты писем, указываемые Е.П. Клевакиным, являются датами написания, что установлено в результате перекрестного анализа источников. Так, согласно дневниковой записи от 11 октября 1883 г., Е.П. Клевакин отослал письма государственному контролеру 19 и 23 сентября [6, с. 314], в то время как даты указанных писем, поставленные в книге отпусков, – 18 и 22 сентября [16, Л. 6, 9]. То же касается и письма П.О. Чупину, отправленного, согласно записи дневника, 8 октября [6, с. 315], тогда как автором оно датировано 6 октября [16, Л. 18]. Дата написания также может совпадать с датой отправки (например, письмо В.М. и Е.А. Соловьевым от 21 сентября 1875 г.) [17, Л. 4; 6, С. 169]. Из приведенных примеров видно, что даты отправки писем частично нашли отражение на страницах дневниковых записей, там же мы можем найти сведения о приблизительных датах получения писем адресатами. Например, в записи от 1 ноября 1875 г. Е.П. Клевакин отмечает, что он получил письмо от жены, в котором она жалуется на письмо от 19 октября, следовательно, с учетом почтовой доставки указанное письмо чиновника было получено адресатом в середине промежутка между этими датами.

Письма Е.П. Клевакина содержат большое количество упоминаний дат написания и получения несохранившихся писем, адресатом которых он являлся («письмо Ваше от 26 числа я получил сегодня 29 ноября» [15, Л. 48 об.], «письмо твое от 3 марта я получил 21 марта [15, Л. 75]). Эти указания свидетельствуют об обоюдном характере переписки автора с адресатами, подтверждая, что сохранившиеся отпуски являются только частью имевшегося обширного эпистолярного комплекса.

Частные письма Е.П. Клевакина имеют схожую структуру. В соответствии с правилами эпистолярного этикета письмо открывает зачин, представляющий собой обращение к адресату. В обращении автор называл имя-отчество адресата в сочетании с выражением ему почтения, в т.ч. с учетом норм титулования («ваше сиятельство, милостивый государь...») либо с устоявшимися эпитетами вместе с возможной констатацией взаимоотношений или родства («любезный дружище», «многоуважаемая тетинька»). Иногда автор использовал только имя-отчество адресата. Применение определенных зачинов объясняется самим автором в текстах некоторых писем. Например, в неотсланном письме В.Н. Новокрещенных от февраля 1882 г. Е.П. Клевакин отметил, что начинать письма словами «милостивый государь» «следует только таким лицам, с которыми пишуший имеет мало знакомства» [15, Л. 20]. Однако говорить о какой-либо системности зачинов у автора не приходится – большая часть отпусков писем периода 1875–1881 гг. не имеют ни зачинов, ни окончаний, более ли менее регулярно автор начинает их фиксировать с конца 1881 г.

После зачина (при его отсутствии – указания адресата), следует основной текст письма. В его начале автор констатировал побудительные мотивы написания: «Пишу тебе под влиянием замечания, что я перестал переписываться с тобою» [15, Л. 69]; «Только ныне, чрез год с лишним, мне представился случай передать от Вас поклон...» [16, Л. 56 об.]. Также здесь он упоминал письма, полученные от адресата, если таковые были, выражал благодарность за что-либо. После этого шла основная часть текста, которую завершали пожелания здоровья, передачи поклонов ближайшим знакомым и родственникам. Концовки писем обычно делались в одном стиле с зачинами [18, С. 41]. Они также могли различаться: от простой подписи автора до сложных этикетных конструкций: «С истинным почтением и преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою Ев[гений] Клевакин».

Автор вел общий счет всех писем, обозначая номер каждого на полях под датой. С января 1883 г. он стал вести дополнительную нумерацию, обозначая номер письма в году, например, письмо от 1 января 1883 г. – №1/282. По этому же принципу автором была дополнена нумерация писем за 1882 г. С сентября 1883 г. вся нумерация была прервана, последний номер, записанный автором – 42/323, оставшиеся 67 отпусков писем, заявлений, телеграмм и корреспонденций автором пронумерованы так и не были.

Следует отметить, что сохранились не все отпуски писем автора за период 1875–1885 гг. Некоторые письма, об отправке которых пишет Е.П. Клевакин на страницах своих дневников, отсутствуют в книгах отпусков писем. Так, в записи от 11 сентября 1875 г. Е.П. Клевакин сообщает об отправке письма жене [6, с. 153]. В записи от 19 октября 1875 г. он упоминает написание и отправку «больно строгого письма» жене [6, с. 194], также пишет о письме жене в записи 8 декабря [6, с. 230]. В книге за соответствующий период отпуски указанных писем отсутствуют, авторская нумерация также не учитывает их наличие. На наш взгляд, это стоит связывать со сложным периодом жизни чиновника в Перми. Возможно, в письмах были отражены его переживания, жалобы, которые он не хотел дополнительно фиксировать. Также Е.П. Клевакин не задокументировал отпуск письма бийскому окружному исправнику А.К. Поршенникову, отметив лишь дату письма, адресата и место его нахождения, а также суть его содержания – «о казенных делах по службе» [16, Л. 85].

Отпуски писем Е.П. Клевакина имеют относительно малое количество исправлений, что бросается в глаза на фоне корреспонденций автора в газеты, которые также записывались им в книги с письмами. Возможно, письма переписывались в книги с оригинала, в то время как для корреспонденций книга выступала черновиком. Отпуски

писем содержат многочисленные пометы автора в тексте (подчеркивания, выделения более крупным написанием отдельных слов и предложений), а также на полях (рисунки, указания адреса отправки, отослано ли было письмо), которые должны быть непременно учтены при текстологическом анализе источника.

Таким образом, внешние особенности писем Е.П. Клевакина во многом определяют их специфику как исторического источника. Необходимо учитывать, что сохранились преимущественно отпуски писем чиновника, а это осложняет их внешнюю критику, классификацию и определение адресата по причине иррегулярного использования зачинов и концовок. Гораздо проще компенсировать редкие указания автором мест написания писем, установление которых возможно путем обращения к их содержанию и другим источникам. Неизвестно также общее количество писем, отпуски которых не были внесены Е.П. Клевакиным в книги. На наш взгляд, уникальность сохранности писем провинциального чиновника обусловлена не столько культурой их сохранения у Е.П. Клевакина, сколько сложившейся у него практикой документирования. Она выражалась в копировании значимых для него документов, составлении внутренних описей к книгам своих записей, авторской нумерации страниц книг и писем. По-разному транслируемые во всем документальном наследии, эти внешние особенности наиболее последовательно проявились в письмах. Благодаря этому эпистолярная часть бумаг Е.П. Клевакина не только сохранилась в одном месте, но и лучше других составляющих его наследия характеризует деловой подход автора к повседневной жизни.

Библиографический список

1. Кобак, И.В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения / И. В. Кобак // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2012. – № 2. – С. 142–148.
2. Афанасьев, П.А. История личного фонда Е.П. Клевакина в Государственном архиве Алтайского края / П. А. Афанасьев // Гуляевские чтения. Вып.4: материалы девятой и десятой историко-архивной конференции / В.В. Антоненко, Е.Д. Егорова, В.Б. Бородаев [и др]. – Барнаул, 2018. – С. 341–345.
3. Старцев, А.В. Е.П. Клевакин. Очерки из бийской жизни / А.В. Старцев // Культурное наследие Сибири. – Барнаул : Изд-во АГУ, 1994. – С. 114–127.
4. Записки Е.П. Клевакина о тюрьме (по материалам личного фонда) (1884–1885, 1901–1917) : сборник документов / отв. сост. Л.А. Вишнякова. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России ; Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края», 2012. – 342 с.
5. Клевакин Е.П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века : воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае : сборник документов : в 2 т. / изд. подгот. П.А. Афанасьев. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – Т. 1, 2. – 420 с., 458 с.
6. Клевакин, Е.П. Дневники (1864–1886 гг.) : сборник документов. – Барнаул : АлтГПУ, 2019. – 512 с.
7. Клевакин Е. Барнаульские письма // Алтай. – 1996. – № 1–2.
8. Скубневский, В.А. Будни и праздники Горного округа. Из фонда Евгения Поликарповича Клевакина / В.А. Скубневский // Судьбы. – Барнаул : Издание управления архивного дела администрации Алтайского края, 1996. – С. 30–43.
9. Карпенко, Е.А. Краткий обзор дневника провинциального чиновника Е.П. Клевакина (1864–1870 гг.) / Е.А. Карпенко // Актуальные вопросы истории Сибири. Двенадцатые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина : сборник научных статей / под ред. В.А. Скубневского, Д.С. Боброва. – Барнаул : АЗБУКА, 2019. – С. 207–211.
10. Афанасьев, П.А. Дневники Е.П. Клевакина как явление письменной культуры российской провинции пореформенной эпохи / П.А. Афанасьев // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2020. – № 1(42). – С. 71–79.

11. Приймак, Н.И. Мемуары, дневники, письма как исторический источник : учебное пособие / Н.И. Приймак, К.О. Валегина. – Санкт-Петербург : «ЛЕМА», 2018. – 72 с.
12. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 77. Оп. 1. Д. 30.
13. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28.
14. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1.
15. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26.
16. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 27.
17. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 29.
18. Глинкина, Л.А. «Весь ваш без церемоний...» (речевой этикет в частных письмах XIX века) / Л.А. Глинкина // Русская речь. – 1985. – № 1. – С. 39–45.

Камардина Е.Е., студентка 5 курса исторического факультета

Цыряпкина Ю.Н., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории

Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул

РОЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ТУРКЕСТАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация. В статье рассматривается роль православия в переселенческой политике Российской империи в Туркестане в конце XIX – начале XX в. Показано, что в Туркестан преимущественно привлекались переселенцы православного вероисповедания. Согласно переписи населения 1897 г., в двух крупнейших областях Туркестана Сырдарьинской и Семиреченской доля православных переселенцев была крайне мало, однако, в статье доказано, что православные переселенцы являлись промежуточным звеном приобщения коренного населения к российской государственности.

Ключевые слова: Туркестан, переселенцы, государство, православие, ислам.

E.E. Kamardina

Yu.N. Tsyryapkina

THE ROLE OF ORTHODOXY IN THE RESETTLEMENT POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN TURKSTAN AT THE END OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract. The article discusses the role of Orthodoxy in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan in the late XIX - early XX centuries. It is shown that migrants of the Orthodox religion were mainly attracted to Turkestan. According to the 1897 census, in two largest regions of Turkestan, the Syr Darya and Semirechensk regions, the share of Orthodox immigrants was extremely small, however, the article proved that Orthodox immigrants were an intermediate link in introducing the indigenous population to Russian statehood.

Keywords: Turkestan, migrants, state, Orthodoxy, Islam.

В рамках программы по освоению вновь присоединенных территорий Средней Азии туркестанская администрации огромное значение придавала закреплению в регионе православия. Судьба православия в Туркестане была тесно связана с переселенческим движением во вновь покоренный край.

Научная новизна данной работы состоит в том, что в ней помимо уже опубликованных источников задействованы и ранее не опубликованные архивные документы, что позволило нам в достаточной степени охарактеризовать роль и значение